
Девиантное поведение, лень, пьянство и наказание российского чиновника по материалам межевого делопроизводства второй половины XVIII в.

Алексей Голубинский

**Deviant behavior, laziness, drunkenness and punishment
of a Russian official based on the materials of the survey documentation
of the second half of the 18th century**

Alexey Golubinsky

*(Russian State Archive of Ancient Documents; Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences, Moscow)*

DOI: 10.31857/S0869568722010071

С началом работ по Генеральному межеванию¹ образовался ряд новых социальных отношений, основными из которых стали связи землемер—землевладелец, землемер—государство, землемер—межевой персонал, землемер—общество². Незнание сравнительно нового технически, но чрезвычайно важного в имущественном плане действия провоцировало его участников на попытки улучшения его результатов и собственного быта альтернативными методами. Вследствие этого повседневная жизнь российских землемеров и канцелярских служителей межевого ведомства XVIII в. не обходилась и без разного рода преступлений. Исходное состояние напряжённости в земельной сфере иллюстрирует цитата из указа Елизаветы Петровны 1745 г.: «Какия своевольства и противности нашим указам при межевании наших земель от новгородских помещиков и монастырей учинены, и сколько при том людей безчеловечно перебито и переранено, в которых непотребных поступках не токмо мирские, но и монахи замешались»³. Как отмечают В.Б. Безгин и Д.П. Жеребчиков, «под влиянием модернизации конца XIX — начала XX в., когда ощущался динамизм социальных процессов, разрушение привычных норм социального контроля неизбежно приводило к количественному росту отклонений, их качественному изменению»⁴. Бесспорно, этот

© 2022 г. А.А. Голубинский

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

¹ Генеральное межевание — общегосударственное мероприятие по разграничению и описанию территорий — началось в 1754 г. и продолжалось до 1917 г. В ходе него были подготовлены около 600 тыс. планов земельных владений, созданы текстовые описания, отразившие специфику ландшафта, расселения, дорожной сети, демографии и истории владений. В результате появились обобщённые по единой программе уездные и губернские карты и атласы, был сформирован комплекс городских планов.

² *Афанасьев В.* Эволюция концепции аномии в социологии девиантного поведения // Рубеж. Альманах социальных исследований. 1992. № 2. С. 70.

³ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Елисаветы Петровны. Т. II. 1744—1745 гг. СПб., 1907. С. 436.

⁴ *Безгин В.Б., Жеребчиков Д.П.* Социальные девиации периода российской модернизации в современных исторических исследованиях // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). Modern Research of Social Problems. 2015. № 5(49). С. 191—192.

тезис справедлив и для первой половины XVIII в., что показано, в частности, в работе Д.О. Серова⁵.

В своё время я пришёл к выводу о преобладании такого типа преступления, как неотдача денег по векселям (22 случая за 1780–1789 гг.)⁶. Хотя в ряде случаев этот вид нарушения вкупе с другими влёт за собой печальные для землемера и его карьеры последствия⁷, в данном исследовании ставится задача рассмотреть и иные виды противоправной деятельности в первые годы Генерального межевания. Дела подобного рода рассматривались на заседаниях Межевой канцелярии, получавшей от межевых контор информацию о правонарушениях, требовавших беспристрастного судебного решения. Высшей судебной инстанцией, куда попадали дела о проступках землемеров, являлась Межевая экспедиция Сената.

Повседневность межевания, в том числе и проступки, до настоящего времени в историографии практически не рассматривались⁸. Исследователь может опираться лишь на историографию, посвящённую повседневности чиновничества как такового, в том числе и его девиантного поведения⁹. Обуславливала это специфика проведения межевого процесса — землемер фактически не имел постоянного места пребывания, живя в атмосфере циклического физического и морального напряжения. Полевой межевой процесс ограничивался лишь тёплым временем года; в остальное же время он занимался оформлением планов. В известной степени именно эта повседневность и становилась причиной криминальных поступков землемера — иллюзия безответственности, вызываемая сменой места жительства, взаимодействие с постоянно изменявшимся кругом людей, за исключением собственной землемерной команды, усталость — всё это провоцировало землемера на совершение противоправных действий. В зимнее время, когда землемер разбирал «полевые записки» и на их основе составлял готовые планы, его жизнь напоминала быт военного, вынужденного обитать на выделяемых местным купечеством квартирах, без семьи, без постоянного дружеского круга. Отпуска предоставлялись землемерам не каждый год,

⁵ Серов Д.О. Строители империи: очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск, 1996.

⁶ Голубинский А.А. Грамотность крестьянства Европейской России по материалам полевых записок Генерального межевания. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. С. 72–73.

⁷ РГАДА, ф. 1294, оп. 2, д. 3709, л. 1–1 об.

⁸ Исключение составляет исследование А.Б. Каменского (*Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей*. М., 2006. С. 341–356). В современной историографии эти вопросы обойдены стороной (См.: *Clergeot P. Aux origines du cadastre général parcellaire français*. Proceedings. Ecole National de Sciences Géographiques (ENSG) and IGN. Marne la Vallée, Paris, April 13–17, 2003 (URL: http://figs1.fig.net/resources/proceedings/fig_proceedings/fig_2003/PS_1/PS1_2_Clergeot.pdf. Дата обращения: 27.09.2021); *El Catastro de Ensenada: magna averiguación fiscal para alivio de los vasallos y mejor conocimiento de los reinos: 1749–1756*. Madrid, 2006).

⁹ Писарькова Л.Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII — первой половине XIX в. // *Человек*. 1995. № 3. С. 121–139; Писарькова Л.Ф. К истории взяток в России (по материалам «секретной канцелярии» кн. Голицыных) // *Отечественная история*. 2002. № 5. С. 33–49; Павлова Д.С. К вопросу о злоупотреблениях чиновников местных финансовых учреждений в последней четверти XVIII — первой половине XIX века (на материале Верхневолжских губерний) // *Ярославский педагогический вестник*. 2009. № 3(60). С. 208–213; Малкова Н.Г. К вопросу о причинах взятничества чиновников в России в конце XVIII — первой половине XIX в. // *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева*. 2011. № 3(71). Ч. 1. С. 116–120; Пашков Е.В. Пьянство в России конца XIX — начала XX в. // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2014. № 164. С. 25–32; Шенелёв Л.Е. Чиновный мир России. XVIII — начало XX века. М., 1999.

длительность их не превышала, как правило, 29 дней. С учётом длительности перемещений, времени на семейную жизнь фактически не оставалось.

Землемер был подсуден нескольким организациям. Если участниками судебного процесса оказывались сотрудники городских администраций, землемеры попадали под разбирательство «фергер и кригсрехта» — военного суда; окончательное решение находилось в компетенции сенатских органов власти¹⁰, любая мера пресечения обязательно рассматривалась и подтверждалась Межевой экспедицией.

Деятельность землемера была узкоспециализированной, и в его отношении принцип соразмерности и однотипности наказания содеянному мог использоваться лишь относительно. Землемерная практика не подразумевала приёма незаконных взяток от землевладельцев, так называемых акциденций (существовала практика взятия платы за приложение печати, за гербовую бумагу, за оформление выкупленной земли и т.д., но деньги никогда не адресовались землемеру лично); вся система проведения межевого процесса настраивалась на максимальную прозрачность и минимальное взаимодействие межевщика и землевладельцев.

Изучение делопроизводственной документации дало возможность проследить специфику самих девиантных поступков. Обычными видами криминального поведения были невозвращение денег по векселям, пьянство и взяточничество (что, впрочем, справедливо и в отношении чиновничества в целом)¹¹. Специфическими формами преступлений являлись неправильно проведенное межевание, доносы по неправильному межеванию, фальсификация меж. Порядочность землемерных кадров при приёме на работу неоднократно становилась объектом законодательства, где неисполнение служебных обязанностей сравнивались с нелояльностью к правящему монарху¹².

Мелкие размолвки были на меже нормой, они даже часто не влекли развёрнутого делопроизводства и внушительного наказания. Например, не получило развития заявление, что «поверенной полковницы Анны Лукинишны Шишковой слугитель Андреян Федоров... не имея смежности госпожи ево дач, в шумном озарте останова ево (землемера. — А.Г.) вдруг, начал грубо говорить и азартным образом... будто он, землемер, межевание производит несправедливо... [и] будто бы сие межевание производится все пустое»¹³. Сравнительно мягко пресекалось использование служебного положения в личных и семейных целях, в том числе и для сравнительно высокопоставленных членов межевых контор. Так, выяснилось, что 1-й член Тульской межевой конторы барон Дельвиг «межевал в чужой дистанции дачу свойственника своего... бес поверенного», за что «означенному барону Дельвиху за предписанной неурядок сказать репреманд (выговор. — А.Г.)». Фиксировались прогулы: «копеист... без позволения отлучился... а второи... в непозволенной отлучке был пять дней.

¹⁰ ПСЗ-1. Т. 17. С. 579; Акишин М.О. Военно-судебная реформа Петра Великого // Меншиковские чтения. 2016. № 7(17). С. 11–32. В целом функционирование военных судов середины XVIII в. ассоциируется в историографии с петровским временем (Петухов Н.А. История военных судов в России. М., 2003; Григорьев О.В. Генезис органов судебного правосудия (середина XVI — начало XXI вв.) // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 10. С. 9–12).

¹¹ ПСЗ-1. Т. 18. С. 682–683. Благодарю А.В. Антонова за указание на данный материал.

¹² Там же. Т. 17. С. 579–580, 717; Пулькин М.В. Девиантное поведение в XVIII — начале XX в. // Культурно-историческая психология. 2008. Т. 4. № 2. С. 84–90.

¹³ РГАДА, ф. 1294, оп. 2, д. 6393, л. 1.

приказали... в страх другим наказать палками». Названные правонарушения находились в ведении межевых контор¹⁴.

Более серьёзные правонарушения (или случаи рецидива) относились к рассмотрению Межевой канцелярии, причём это касалось и временно переданных в её ведение лиц, например, солдат, охранявших землемерную партию. Так, она зафиксировала случай, когда «Глуховскаго баталиона солдат Иван Казлов сего июля 16го числа незнаемо куда самоволно от команды отлучился и снес с собою казенных вещей: шляпу, кафтан, камзол и штаны с пуговицами, тесак с портупей и пряжкой, после коего из вещей ружье без трешетки и пыжевника не имеетца»¹⁵. Это была лишь «верхушка айсберга» — пойманный солдат сознался, что руководитель его партии заставлял его избивать местных купцов, чтобы, в частности, безденежно топить бани и предоставлять дрова для отопления¹⁶.

Многочисленные случаи пьянства землемеров иногда описывались в документах Межевой канцелярии красочно, подробно, с вводными и назидательными включениями. Новгородская межевая контора отправила в Межевую канцелярию донесение, свидетельствовавшее, что «состоящие во оной канторе секретари Иван Прокофьев, Николай Матвеев, будучи худого и пьяного поведения, возложенныя на них дела никаким порядком не исправляют, как генеральной регламент и подтвердительныя сенатския указы повелевают, но упражняются во всегдашнем пьянстве и лености, отлучаются часто по немалому времени от своих должностей и приводят дела в существительное запущение, за что от перваго сей канторы члена неоднократно в присутствии оным секретарем чинены были выговоры»¹⁷.

На грани (или за гранью) корректности делопроизводства лежат случаи незначительных для второй половины XVIII в. несовпадений ожидаемой площади земельных владений и реальной. Не исключено, что при пассивной позиции землевладельца или поверенного описанные ниже случаи вполне могли пройти незамеченными. С первыми же сигналами о недостоверности межевания Межевая канцелярия пыталась по возможности тщательнее проводить верификацию создаваемых планов и заботилась о корректировке материалов: «Предоставленной от землемера прапорщика Огорокова деревням хутору Золотову с протчими владения гвардии капитан порудчика Петра Егорова сына Пашкова по поверке ево оказалось против прежняго свидетельства разницы в неудобности четыре десятины две тысячи сто восемь сажен, удобной же земли количество согласно с первым показанием, причем и тот план с межевою и поданной от землемера Веничанского с подписанием прапорщика Огорокова репорт представил. Приказали оные репорты и план с книгою отдать в повытье и оказавшуюся неверность внести в сочиняемую по тому делу выписку, а как оной землемер во учиненной им на оном плане переправке находится под следствием»¹⁸.

Сравнительно лояльно межевые власти относились к замене землемеров на учеников (даже не помощников). Как и в предыдущем случае, если бы не принципиальная позиция отводчика, представляется, что подобная замена

¹⁴ Там же, д. 4126, л. 4; ф. 1321, оп. 6, д. 2087, л. 145, 155.

¹⁵ Там же, ф. 1294, оп. 2, д. 4036, л. 1.

¹⁶ Там же, л. 5.

¹⁷ Там же, д. 4070, л. 1–1 об.

¹⁸ Там же, д. 3932, л. 1.

осталась бы незамеченной. Об этом свидетельствует номинальное наказание за упущение: «Бывшаго пошехонского землемера прапорщика Масленицкаго помощник сержант Белоусов репортом прописывал, что за болезнью ево послан был ученик Наум Семенов в Пошехонской уезд в село Одинцово... сам владелец подпорутчик Иван Федоров сын Ахматов, явясь, для учинения вышеписанного отводу ево не допустил и с межи согнал, и называл ево партией пугачевой, и хотел изрезать в кусье, и притом говорил: у нас де при размежевании партий не имеетца, в чем и засвидетельствовано бывшими при том понятыми сторонними людьми». По итогам дела в Костромскую межевую контору послали указ с предписанием, «что на место землемера Масленицкаго определен другой землемер, следовательно, для принятия предписанного спора и надлежало быть землемеру или за болезнью ево самому помощнику Белоусову, не командирова ученика Семенова, а для того канторе подтвердить, чтоб на межу для отводу земель по писменным от землемеров приказать, в случае их болезней выходили сами помощники, а учеников никогда не посылали под опасением неупустительного штрафа»¹⁹.

Воздействие на проштрафившихся землемеров и сотрудников контор осуществлялось и способом временного понижения в должности. В одном из документов Межевой канцелярии описан случай борьбы с пьянством через заключение канцеляриста в здании межевой конторы и временное понижение в должности до подканцеляриста. Характерного для других дел указания на арест нет. Примечательно, что воспитательное значение наказания было направлено не только на других служащих канцелярии, но и на него самого. Так, канцелярист Алексей Куров данную для переписки ведомость о продажных землях не переписал, «отзываясь тем, будто был он болен, но о болезни своей он знать никому не дал и по посылкам в ево квартиру апреля 3 и 4 числ не сыскан, сей же день в присутствии представлен был, но болезни в нем никакой не примечено, а усмотрена на глазах опухоль, которая, как видно, произошла не от болезни, но от непрерывного пьянства, следственно и порученного ему не исполнил он единственно от лености и нерадения». В наказание Курова за леность и пьянство «в страх другим, равно чтоб и сам он мог впредь от того воздержаться, написать до усмотрения в подканцеляристы, и чтоб ево от пьянства воздержать, для того держать ево в канцелярии неделю и для исполнения в выше и к экзекуторским делам дать с сего копии»²⁰.

Делопроизводство землемера А.А. Унковского сосредоточило в себе сразу несколько описаний вымышленных и реальных правонарушений: «деревни... Тетевинной сначала произведен был спор, а наконец с обеих сторон поверенные развелись полюбовно, и подали ко мне полюбовную скаску, по которой... межа утверждена с поставкою белых столбов, но без повереннаго... а по утверждению той межи оная скаска по приезде моем на станцию отдана была для приобщения к делу команды моей помощнику Анофриеву, он Анофриев, в самое то ж время и при мне не знаемо для чего ту скаску изорвал... отняв у него изорванную скаску, спросил, по какому резону он то зделал, на что он мне отвечал, для того-де, что ты не знаешь, о чем к тебе пишет господин первой член и не разумеешь-де, что делать надлежит, похваляясь притом, что будто межевание препоручено ему, Анофриеву, а не мне; и для того то он меня ни во что не по-

¹⁹ Там же, д. 3917, л. 1–2.

²⁰ Там же, д. 3904.

читает, а что захочет, то будто и зделает... господин первой член подполковник Ваксель не объявил об вине моей никакой канторской резолюции, приказал токмо словесно, орестовав, держать меня за караулом, давая только хлеб и воду трой сутки, в которые я безвинно так и содержался... но что он, господин подполковник Ваксель, выступя из благопристойности, приказал ему... взяв меня, проговоря притом как сущаго злодея, посадить в пустой сарай, где к поруганию был содержан два часа». Землемер, описавший свою службу как беспорочную, жаловался Межевой канцелярии на самоуправство подчинённого и немилость первого члена межевой конторы; всё это осложнилось непростым прохождением межи, уничтожением полевой записки и межевых знаков, вмешательством его знакомого, бежавшего из другой межевой конторы. При разборе деятельности землемера начали выясняться нестыковки в его показаниях. В частности, послали солдата «осмотреть столбы, на которых местах столбов не имеется». От первого члена конторы В.С. Вакселя пришла совсем нелестная трактовка работы землемера: «Межеваемые вами дачи в свяске фигур оказываются неверными, для поверки которых сами не ходит и показанному помощнику запрещается, грозя за то бить палками». Дело перешло в разбирательство Межевой канцелярии, приказавшей произвести почерковедческую экспертизу разорванного полюбовного развода (Утверждения межи по взаимному согласию. — А.Г.) («полюбовный развод... подлинно ль... подписан руками поверенных, изыскать»)²¹.

Результатом расследования стал приговор Межевой канцелярии, свидетельствующий, что никакого межевания на ставшей предметом разбора территории не было, «землемер Унковский посылал копеиста Савельева с салдатом Калашниковым, чтобы назначить ямы без поверенных и понятых». Нашлись свидетели, видевшие, как Унковский, «передрав ту скаску пополам, положил в карман». Полюбовная скаска писалась не по просьбе поверенных, а по приказанию землемера Унковского, т.е. «изодранная скаска сочинена им самим без согласия... поверенных... что он, Унковский, арестом и постом штрафован был всею канторою, а не одним Вакселем и не в сарае, а в жилом покое, за ослушание ево команды, нездачу дел вступившему на ево место землемеру, за неверные планы и незнание самых легчайших задач... подлежал бы немалому штрафованию. Но, как Межевой канцелярии известно, что он, будучи потом в Смоленском наместничестве уездным землемером, там умер, то затем канцелярия сие дело и предала Воли Божией»²². Данный сценарий преступления, сочетающий фальсификацию и «обработку» поверенных, не единственный в рассмотренных делах. Сохранилось дело о подделке полюбовного развода канцеляристом Судоплатовым. Подписи на разводе были сделаны, как оказалось, не на меже. Далее записано дело о взятках, данных землемерам, в свою очередь, предлагавших мзду поверенному²³.

Для ускорения делопроизводства в 1770-х гг. дела о землемерах одной конторы и однотипных проступках начали объединяться в объёмные дела, но с сохранением самобытной неформальной лексики. «Поверенной... писал, что Захаров (землемер. — А.Г.) весьма люден, требует про всех стол, то есть напитки и харч, к тому ж и на взятки очень лаком и межует неусердно, помалу и при межевании как с ним, поверенным, так и с работными людьми дерется».

²¹ Там же, д. 3759, л. 12–13, 17, 19–19 об.

²² Там же, л. 70–70 об.

²³ Там же, ф. 1321, оп. 6, д. 2087, л. 778 об., 803–805.

Описывая объём незаконных трат, указывается: «Землемер Захаров... приказал капралу бить хозяина палкою и с той квартиры по прозье не сходит, видно, для лакомства. Со дня же квартирования ево в селе Городце издержано на него самото с людьми и лошадьми и за наем про него к Макарью Желтоводскому лодки и за оковку колес восемьдесят пять рублей, да августа 4-го поднесено ему, Захарову, при свидетелях сто рублей да помощнику двадцать рублей». Другой же землемер Чагин, «хотя... ничего не возьмет, так на то же наведет, больше у них простоит. И если окажется примерная земля (земля, на которую было невозможно доказать право собственности. — А.Г.), сверх дач, вырежет в государевы. А видно-де, что ему хочется взять... взятку немалую, но того они от него не могли добиться, чево ему от них хочется, только что с миром велеть посоветовать, если-де довольно, так и скажет, что доволен, а буде мало, не возьмет, к нему они представляли, дать или нет... А графа Толстова с командою испосланных на прикосновенную между хороших крестьян не знаемо за что прибили человек здесять до полусмерти»²⁴. Подобных примеров можно привести немало: «В Московскую Межевую канцелярию Суднаго приказа из четвертаго депортамента доношение. Сего 1779-го году июля 16-го дня в сем депортаменте бил челом государственной Вотчинной коллегии канцелярист Петр Алексеев сын Шафоростов оной Межевой канцелярии на землемера прапорщика Петра Романова сына Булыгина в бою и бещестии»²⁵.

Слабость и фамильярность сотрудников межевой конторы послужила мотивом к переписке с первым членом конторы Логином Андреевичем Витовтовым: «Безпрестанная жалобы каманды вашей на многих землемеров, а особливо на графа Толстого, выводят уже меня из терпения. Неоднократно писал я к вам о удержании их в пределах должности, но ничто не успеваеет. Севодни две отписки мне даны... для усмотрения и усмирения землемеров. Я думаю, известно вам, что Колобов (начальник одной из межевых контор. — А.Г.) судится за слабость и потворство землемерам, жаль будет, если и вы себя доведете до тово же. К предупреждению того советую вам всеми силами стараться о точном исполнении возложенной на вас должности»²⁶.

В контексте изучения повседневности межевого процесса не так важно, действительно ли имели место описанные правонарушения, или они были средством давления на землемеров с целью проведения межевания в пользу того или иного владельца. Среди поверенных и землевладельцев попадались порой большие знатоки межевого законодательства, не упускавшие малейшей возможности повлиять на ситуацию. Так случилось с землемером Миллером, отказавшимся принять спорный отвод: «Землемер порутчик Миллер оказался виновным в неприятии... споров и утверждения... меж по назначенным на плане нарескам... которые указом межевой канцелярии... уничтожены». В наказание было велено «производить ему свое дело, только без шпаги с таковым подтверждением, естли он, Миллер, впред в таковых противных законам поступках окажется, то он, Миллер, как нерадетельной о своей должности из числа землемеров будет исключен»²⁷. Естественно, в интересах самих межевщиков и землевладельцев было скорейшее и бесспорное прохождение межевания. Данный случай наводит на мысль о недопущении межевым начальством

²⁴ Там же, л. 2, 11; ф. 1294, оп. 2, д. 4274, л. 1–1 об.

²⁵ Там же, ф. 1294, оп. 2, д. 4024, л. 1.

²⁶ Там же, л. 3.

²⁷ Там же, д. 4056, л. 2 об., 3.

тенденций упрощать межевое дело и использовать предыдущие межевые наработки. Этот случай косвенно решает спор об отсутствии землемеров на меже. Самая минимальная возможность дискредитации межевого процесса становилась для правительства побудительным мотивом максимально открыто и правдиво расследовать любой случай, в том числе и такой, когда на «артиллерии порутчика Лермантова... в неправильном межевании и во взятках... шести рублей, меду пуда, лисиц и куниц по паре»²⁸.

Карающим резолюциям всегда предшествовали длительные периоды увещевания, профилактические аресты в помещении канторы, лишение пищи и перевод на хлеб и воду — всё для перевоспитания оступившегося. Подготовленных землемеров в XVIII в. не хватало, их набирали из офицеров-артиллеристов, инженеров, выпускников или недоучек гражданских, военных и церковных учебных заведений. Мерой воздействия могло стать и лишение землемера дворянского достоинства. Так, по донесению Новгородской канторы за непорядочные поступки отстранён был землемер Кутузов: «За пьянство, и за необойдение указанной пропорции верст, и за неприсылку в свое время планов штрафован арестом на неделю со справлением своей должности токмо без шпаги». Этот землемер гонялся с ножом за своим помощником, когда тот попробовал напомнить ему об отправлении должности, и его уволили. Но как же нужно было забросить выполнение дел и надоест коллегам-землемерам и канцеляристам, чтобы вызвать в отношении себя проверки, экспертизы и последующее исключение из состава межевой канторы? В делах Нижегородской межевой канторы отмечено: «Двух уездных землемеров — порутчика Хоменева и прапорщика Федорова — за невоздержное их состояние велено исключить и с прописанием того дать им аттестаты»²⁹.

Один из канцеляристов, Прокофьев, «в кантору по учиненной ему повеске не поехал и самовольно из города отлучился... начуя в квартире своей, а поутру рано из оной квартиры уезжая, бывает неведомо где, а для исправления по должности ево дел в кантору не является, отчего по экспедиции ево в течение дел последовало великое запущение». Другой фигурант — Матвеев — продолжил череду пьяных секретарских служителей. Ему следовало зафиксировать пьянство Прокофьева: «О штрафах секретаря Прокофьева... велено ему, Матвееву, выправясь с определениями сей канторы, те штрафы вписать, коим Матвеевым сего февраля по 13-е число всего того исполнено не было». Однако на пьянстве попался и сам Матвеев: «Кантора ж таковому ево, секретаря Матвеева, медлению не находит никакой другой причины, как только от всегдашнего ево, Матвеева, примеченного пьянства, за которое он минувшаго генваря 31-го дня и штрафован троесуточным в канторе арестом, но как он, Матвеев, и от того поведения своего себя не поправил и в должности своей время от времени становится слабее, то для поправления его состояния и для приведения в порядок запущенных им дел приказали ево, Матвеева, в другой раз арестом на две недели и те учиненныя ему штрафы взнестъ в отправляемые ныне списки»³⁰.

Обвинение в пьянстве становилось и инструментом неправомерного воздействия на подчинённых сотрудников кантор и межевых партий. Михаил Лычагин из Смоленской межевой канторы сетовал, что «в ведомстве... в ко-

²⁸ Там же, л. 120.

²⁹ Там же, ф. 1321, оп. 6, д. 3064, л. 163–163 об.

³⁰ Там же, д. 3778, л. 1, 3, 5, 5 об.

манде землемера Брежнева, от коего чинимые мне нестерпимыя и бесчеловечныя побои привели меня в болезнь, почему я Смоленскую межевую кантору просил об отставке меня от дел, но он, землемер Брежнев, узнав о сем, представил канторе на меня репортом, будто я оброщался в пьянстве и нерадив к моей должности. Смоленская межевая кантора, уверяена на ево одном представлении, определила меня отослать в военную службу, чего я убоюсь, отлучился оттуда бес позволения и, прибегая к защищению вышней команды, слезно прошу определить меня по благорасмотрению Межевой канцелярии, кроме Смоленской межевой канторы». Приведя несколько аттестатов своего беспорочного поведения, Лычагин добился положительного для себя решения Межевой канцелярии по переводу в иное место службы³¹. Но развитие событий при рассмотрении дел о болезни чаще всего было иным. В донесении чертёжного директора Муравьёва, что землемер Чайковский к должности не является и об увольнении его от межевых дел, говорится: «Чертежной землемер прапорщик Чайковский в чертежную хождение имеет весьма редкое, так что прошлаго января с 10 по 21 и с 22 по 1-е число февраля совсем к должности не являлся, рапортуясь больным, нарочно ж посланные неоднократно за ним караульные солдаты в квартире его не получали». Землемера уволили³².

Чем более практическим являлся вопрос, чем больше он касался сущности самого межевого процесса, тем более специфическим и профессиональным становился лексикон описания. В противоположность этому, более распространёнными с точки зрения описания становились неформальные дела, как, например, дело землемера секунд-майора Петра Дмитриевича Хвошинского. Его обвиняли в том, что он «не принял скаски поверенного... княгини Кугушевой», которая под угрозой потери имени «решилась ехать к нему... была под разными претекстами удержана и, наконец, землемером Хвошинским бита и насилием лишена чести»³³. Рассматривавшие данную челобитную сотрудники Межевой канцелярии оказались в сложной ситуации – княгиня красочно описала подробности произошедшего и меру морального падения землемера. Продолжительное время, проведённое на квартире землемера, как она думала, для составления скаски, «тем самым вымыслом и довели до ночных часов. Сие ж недозволительное и особливо и конечное ко опасности время заставляло узнавать женщине, будущей в несчастных приключениях, лишится столь яростными руками похищенную и чести, увидя, во-первых, сверх угрожаемого взору, когда выняв из сундука тот землемер Хвошинской золотой монетою денег до тысячи рублей, отдавая мне, сказал, что если я склонна буду к заразительному и незаконному уничтожению по ево желанию моей чести, то не только он тем мне будет служить, но что касательно и сверх должности в силу законов: ко услугам на приобретение из чужаго владения до несколько десятин отмежевать к моим дачам». Княгиня лично приехала в Москву на заседание Межевой канцелярии. Военный суд, собрав свидетельские показания, выяснил, что челобитную Кугушевой составили более трёх месяцев спустя после предполагаемого преступления, в то время как месяцем после описываемого ею насилия она защищала свои интересы в Ливенской воеводской канцелярии. В показаниях Хвошинского (в случае обвинительного приговора ему грозила смертная

³¹ Там же, ф. 1294, оп. 2, д. 3835, л. 1–1 об.

³² Там же, д. 3829, л. 1.

³³ Там же, д. 4294, л. 1.

казнь или вечная служба на галерах) также выявили несоответствия и попытки оказать влияние на свидетелей. Доказательства стороны княгини оказались недостаточными, землемера освободили. Повторное разбирательство, проведённое уже в Межевой экспедиции, пришло к новой трактовке произошедшего, основанной на обоюдном согласии, в связи с чем их обоих рекомендовали «для церковного покаяния заключить на шесть недель в монастырь»³⁴.

Представители Церкви не всегда были верными помощниками землемеров в их деле. Бывало, что они выступали против межевщиков, священники объявляли споры, а самое главное, обвиняли землемеров в нечестности и вымогательстве взятки. Специфика ситуации заключалась в том, что священнослужителя нельзя привлечь к присяге; священников, спорящих друг с другом, по действовавшему закону следовало подвергнуть тому наказанию, которое готовили для ответчика. Но, не желая потерять в священнослужителях помощников (они объявляли о начале межевания, приводили его участников к присяге, подписывались за неграмотных, увещевали спорщиков), сама Межевая канцелярия перед сообщением в духовное правление ходатайствовала о снижении объёма санкций и штрафов³⁵.

Имели место и масштабные противоправные поступки в отношении землемеров. В Волоколамске в январе 1769 г. «волоколамские купцы многолюдно человек до тридцати з дубьем и поленьями во-первых, близ самой канторы, пели песни, а потом, приступая к воротам, необычайно кричав, говорили, кто не выйдет ис канторы, бить до смерти... а находящиеся на карауле солдаты, опасаясь смертнаго себе убивства, по причине много бывших пред тем от тех купцов озорничеств и наглых нападений, остались в покоях безвыходно. Но когда те купцы от канторы не отступили и потому ж кричали необычайно, то во осторожность... принуждены выйти... на караул... со обнаженными тесаками и при помощь приказных служителей ис состоящей на улице толпы поймали дву человек... а протчие разбежались... Но спустя час времени уже тех купцов собралось человек до семидесят... Сторожа капрала... били смертно поленьями, прокололи шоку насквозь, левую руку перебили». За сотрудниками межевой канторы устроили настоящую охоту, не прекращавшуюся в течение многих месяцев до конца 1772 г., а пресечение подобной деятельности осложнялось родственными связями внутри волоколамского купеческого общества, попытки усмирения с привлечением сил извне сталкивались с тем, что, например, «злодеи побежали в ров под земляную городовую крепость, за которыми бежать и ловить было опасно»³⁶. Начальники землемерных партий именно в это время требовали немедленно компенсировать неполный состав военных команд своих партий. Выяснилось, что «по репортам от баталионов... представлено, что за неимением людей... ныне командировать неково»; нормальное состояние военной команды при межевании — восемь человек; пришлось искать военных в других соединениях. Представляется, что причиной возникновения этой ситуации стала проблема с постоянным в купеческих домах³⁷.

Обстоятельства, вызывавшие трения с местным населением, происходили во время межевания не только в ходе полевой работы — они проявлялись и при расселении на зимние квартиры. Ситуация с отводом помещений землемеру

³⁴ Там же, л. 2 об., 65, 70–72, 84 об.

³⁵ Там же, д. 4061, л. 4–6 об.

³⁶ Там же, л. 1–2, 22–26, 40. Благодарю В.В. Зубарева за информацию об этом деле.

³⁷ Там же, д. 45, л. 57, 70.

и его команде имела ряд особенностей, связанных с необходимостью получения обширного помещения для чертёжной. Среди межевых планов имеются и весьма большие, по 4–5, а иногда и 10 м по большей стороне. В связи с этим поиск подходящего помещения оборачивался судебными разбирательствами с местными властями и купечеством. Так, «Белиовской квартермейстер отвел [землемеру] Беляеву с командою девять квартир, в том числе и дом купца Мамонова, которой квартермейстером и назначиван был под чертежную, но присланной от Беляева для приему квартир солдат, сказав, что для чертежной не годится, и истребовал ево себе в квартиру, а для чертежной назначен дом купца Тамилина; на что и билеты хозяевам даны были, но Беляев по приезде своем, осмотря квартиры и найдя дом Тамилина неспособным, поставил к нему салдата, а чертежную ввел к Мамонову, щитая равным постоем, не истребовав на то дозволения от городничего, за что военной суд приговорил ево, Беляева, по силе Межевой инструкции 30-й главы 6-го и полковничей инструкции 1-й главы 7 пунктов, арестовать на неделю со исправлением должности»³⁸.

Ни одного случая самозванства землемеров с целью получения денег не обнаружено, однако даже самая нижняя позиция в межевой иерархии давала возможность представиться высоким чиновником. Так было в 1768 г. с самозванным казначеем Флорищевой пустыни подканцеляристом Егором Ивановым. 38 лет отроду, он «в 753-м году определен в тое ж Волоколамскую воеводскую канцелярию в кописы, где и находился 755 года по апрель месяц, а во оном апреле месяце, по силе указа бывшей в Москве Сенатской конторы, выслан он ко определению к делам в Московскую губернскую межевую канцелярию». С 1765 по 1767 г. он сменил пять землемерных партий, а потом «767 года декабря по 18 число... зачал он пьянствовать, и в том пьянстве взят»³⁹. За время службы он приобрёл уровень письменной культуры, позволивший ему подделывать несколько указов межевой конторы, с лёгкостью сойти за казначея Флорищевой пустыни; убедив приказчиков в своём праве распоряжаться доверенными деньгами, обманом продал за 7 руб. лес.

Исследование криминального поведения участников Генерального межевания выявило как общие для российского чиновничества типы предосудительного поведения — неисполнение служебных обязанностей, пьянство, взяточничество, — так и специфические типы правонарушений, вызванные особенностями работы землемера. Разбор проступков, связанных с нарушением служебных обязанностей (неправильное межевание), получил уже к 1770-м гг. солидную правовую базу. Он обыкновенно проводился в короткое время и описывался максимально формализованным языком. В противоположность этому в отношении пьянства, взяточничества и более тяжких правонарушений язык и стиль оформления следствия по землемерным делам показал значительно меньшую формализацию, что говорит об ограниченном количестве подобного рода нарушений. Описанные выше прецеденты не должны вводить в заблуждение относительно общего криминогенного фона вокруг межевания — к концу XVIII в. этот процесс стал намного более спокойным и рутинным, свидетельством чему сотни тысяч земельных дач, оформленных в краткие сроки без нарушений закона.

³⁸ Там же, д. 4113.

³⁹ Там же, ф. 479, оп. 2, д. 84, л. 10–14. Благодарю О.Е. Кошелеву за информацию об этом деле.

Сотрудники межевого ведомства были подсудны военным судам, Судному приказу и своим собственным органам власти — Межевой канцелярии и Межевой экспедиции. Исследование показало двойственность их подходов к правонарушениям — те из них, что не мешали проведению межевания, в частности не требовали замены должностных лиц на меже, рассматривались в упрощённом порядке. Лишь серьёзные, получившие широкий общественный резонанс проступки становились основанием для судебного производства и приговора. Органы власти, напротив, чрезвычайно чутко относились ко всему, что нарушало авторитет межевания: подробно разбирались дела, связанные с разного рода фальсификациями как на меже (с целью завладения имуществом), так и имевшие целью продвижение по службе и устранение неугодных.

Судопроизводство по межевым делам даёт аргументы в пользу аутентичности полевых материалов Генерального межевания, т.е. позволяет решить, пожалуй, основную связанную с ним источниковедческую проблему. Ещё во второй половине XIX — начале XX в. землемерная практика XVIII столетия подверглась критике, выразившейся в общем недоверии к текстовым материалам и планам Екатерининского времени⁴⁰. Реакции землемерного начальства, подробность разбирательств, тщательность подбора аргументации при решении дел о проступках землемеров — всё это свидетельствует о том, что достоверность и престиж этого государственного дела не была для них пустым звуком, а труд в ходе Генерального межевания создал атмосферу невольной позитивной девиации — принуждения к добросовестному выполнению служебных обязанностей и образования межевого социального лифта⁴¹.

⁴⁰ Голубинский А.А. Грамотность крестьянства... С. 67–69.

⁴¹ Голубинский А.А. Судьба землемера. Степан Хрулёв // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. Третьи чтения памяти Л.В. Милова. М., 2013. С. 404–410.